

DOI: 10.31696/S086919080038469-2

СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЙ ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И НЕЙТРАЛИТЕТЕ 1925 г. КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СССР В СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.

© 2026

А.Д. ВАСИЛЬЕВ ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2947-4413; advasilyev@mail.ru

Резюме: Статья посвящена изучению советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете, заключённого в 1925 году. Автор детально исследует исторические условия, предшествовавшие подписанию договора, подчёркивая сложную международную обстановку и взаимные подозрения между странами. Основной причиной заключения договора становится стремление укрепить безопасность СССР и Турции в условиях давления со стороны Запада и внутренних угроз. Процесс переговоров описан как сложный и длительный, включающий обсуждение множества аспектов взаимодействия, включая экономическое сотрудничество и политические гарантии. Особый акцент сделан на трудностях переговорного процесса, вызванных сомнениями и подозрительностью каждой из сторон относительно истинных мотивов партнёра. Российские представители стремились гарантировать поддержку Турции в случае возможной агрессии со стороны третьих стран, тогда как турецкое руководство искало пути избежать зависимости от великих держав, укрепляя собственные позиции на международной арене.

Договор состоял из трёх статей и трёх протоколов, регулирующих вопросы нейтралитета, недопущения участия в враждебных коалициях и разрешения споров. Дополнительные секретные ноты подтвердили взаимную приверженность сотрудничеству. Договор играл ключевую роль в укреплении стабильных отношений между двумя государствами, обеспечивая защиту их интересов в регионе.

Статья резюмирует важные последствия договора: установление основ длительного сотрудничества, создание механизмов разрешения потенциальных конфликтов и ограничение вмешательства третьих стран в двусторонние отношения. Однако отмечается, что с течением времени значение договора снижалось ввиду изменений в международной обстановке и появления новых факторов безопасности. Рост международного напряжения, особенно в результате расширения влияния европейских держав, привёл к снижению значимости договора.

В заключение делается вывод, что советско-турецкий договор 1925 года стал значительным событием в истории взаимоотношений двух стран, обеспечив стабилизацию региона и заложив основу для дальнейших взаимодействий, несмотря на постепенную утрату актуальности в последующие десятилетия.

Ключевые слова: советско-турецкие отношения, советско-турецкий договор 1925 г., история дипломатии

Для цитирования: Васильев А.Д. Советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г. как элемент системы безопасности СССР в середине 1920-х гг. *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. С. 201–210. DOI: 10.31696/S086919080038469-2

THE SOVIET-TURKISH TREATY OF FRIENDSHIP AND NEUTRALITY OF 1925
AS AN ELEMENT OF THE USSR'S SECURITY SYSTEM IN THE MID-1920s

©2026

Alexander D. VASILYEV ^a^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2947-4413; advasilyev@mail.ru

Abstract: *The article is devoted to the study of the Soviet-Turkish Treaty of Friendship and Neutrality signed in 1925. It investigates the historical conditions preceding the signing of the treaty, emphasizing the complex international situation and mutual suspicions between the countries. The main reason to conclude the treaty was the desire to strengthen security for both the USSR and Turkey amidst pressure from Western powers and internal threats. The negotiation process is described as complicated and lengthy, involving discussions on various aspects of cooperation, including economic collaboration and military guarantees. Special attention is given to the difficulties encountered during negotiations due to mistrust among both parties. Russian representatives sought to ensure Turkish support in case of possible aggression by third-party states, while Turkish leadership aimed to avoid dependence on major powers, seeking to enhance its own position on the global stage.*

The article highlights important consequences of the treaty: laying foundations for long-term cooperation, creating mechanisms for resolving potential conflicts, and limiting interference by third parties in bilateral relations. However, it is noted that over time, the significance of the treaty diminished due to changes in the international environment and new factors affecting regional security. Increased international tension, resulting from the expansion of European influence, led to a decrease in the importance of the treaty.

The Soviet-Turkish Treaty of 1925 became a significant event in the history of relations between these two countries, providing stabilization in the region and setting the groundwork for future interactions despite gradually losing relevance in subsequent decades.

Keywords: Soviet-Turkish relations, Soviet-Turkish Treaty of 1925, diplomatic history

For citation: Vasilyev A.D. The Soviet-Turkish Treaty of Friendship and Neutrality of 1925 as an Element of the USSR's Security System in the Mid-1920s. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 201–210. DOI: 10.31696/S086919080038469-2

Советско-турецкий договор 1925 г. является важной вехой в развитии двусторонних отношений. Значение договора не раз отмечалось исследователями (например, см.: [СССР и Турция, 1981, с. 60–67]), но в отечественной историографии имеется лишь одна работа, непосредственно посвященная договору. [Залаяев, 2009]. Р.И. Залаяев рассматривает в основном хронологию переговоров и фокусируется на рассмотрении влияния договора на персидско-турецкие и российско-персидские отношения, что весьма интересно в свете его обсуждения. Представляется, однако, что персидско-турецкие проблемы возникли «ситуативно» осенью 1924 г. и были продиктованы не советскими интересами, а турецкими просьбами и краткосрочными вызовами турецким интересам на Востоке. Когда советское правительство попыталось вновь выдвинуть «оговорку о Персии» в июне 1925 г., она была встречена турками скорее как свидетельство непонимания СССР сути персидско-турецких отношений. Включение подобной оговорки в советско-турецкий договор воспринималось турками как шаг к созданию системы региональных гарантийных пактов, однако сам

Т.Р. Арас полагал, что турецко-иранский пакт о ненападении будет договором второстепенным по сравнению с договором с СССР [ДВП, 1963(2), с. 460–461].

Договор 1925 г. находится в тени заключенных 16 марта 1921 г. Московского договора и 13 октября 1921 г. – Карсского договора и незаслуженно обойден вниманием исследователей. Вместе с тем его значение для мирного развития советско-турецких отношений весьма существенно. Московский и Карсский договоры заложили институциональные основы сотрудничества Советской России, республик Закавказья и правительства Верховного национального собрания Турции в Анкаре. Были определены национальные границы и сферы влияния на Кавказе, заложены параметры военного сотрудничества против Антанты, однако они не устранили взаимных подозрений и напряженности. Так, уже после заключения Московского и Карсского договоров советская дипломатия весьма опасалась ухудшения отношений с Турцией вплоть до начала военных действий. В инструкции, данной Г.В. Чичериным М.В. Фрунзе во время его миссии в Анкару, уже в ноябре 1921 г. ясно говорилось, что задачей М.В. Фрунзе является оценка потенциальной военной угрозы, исходящей от Турции для Советской России [РГАСПИ, ф. 558, о. 2, д. 18, лл. 1–1об.]. Для Турции Московский и Карсский договоры также были вынужденными, «трудными» решениями. Современная турецкая историография прямо говорит о том, что на договоренности с Советской Россией Турция пошла исключительно в условиях беспрецедентной внешней угрозы самому своему существованию [Ташджы, 2025, с. 43–92]. Несмотря на высокий уровень военно-политического сотрудничества, уже вскоре после начала мирных переговоров в Лозанне в советско-турецких отношениях выявились первые проблемы. Они касались самого главного вопроса безопасности российских границ на юге – вопроса о режиме Проливов. Фактически турецкая сторона была вынуждена признать английский проект пропуска военных судов через Проливы, а ее позиция – пусть и вынужденная, но соглашательская – стала неприятным явлением для советской стороны и, по сути, частичным отказом от плодов своей победы в Национально-освободительной борьбе. Вхождение закавказских республик в состав СССР в конце 1922 г. также породило определенные страхи у турецкой политической элиты, даже несмотря на то, что от НКВД СССР были получены заверения в сохранении в силе всех тех договоров, которые были подписаны в 1921 г. [СССР и Турция, 1981, с. 57–58]. В 1923–1924 гг. взаимное недоверие существенно осложняло советско-турецкие отношения. Этому способствовала периодическая публикация статей о секретном советско-итальянском соглашении о совместных действиях на Балканах против Турции. Не была заключена и консульская конвенция, которая бы облегчала деятельность советских и турецких дипломатов. На границе Турции и советских республик Закавказья постоянно происходили стычки между пограничниками и бандитскими отрядами противников советской власти [ДВП, 1963(1), с. 401–402 и др.].

Международная ситуация была весьма напряженной для СССР. Готовились планы развала страны изнутри, используя национальные и социально-политические противоречия. Турцию пытались активно втянуть в антисоветские комбинации. Польская дипломатия проявляла активность в Турции, надеясь использовать эмигрантские организации Закавказья в планах организации масштабного антиправительственного движения в СССР [Andican, 2003, s. 238–242]. Осенью 1924 г. польский посол в Турции Р. Кноль, военный атташе Т. Шэтцель и дипломат Т. Головки проводили серию встреч в Стамбуле с представителями эмигрантских организаций Северного Кавказа, Закавказья и Центральной Азии. Шэтцелю было поручено курировать в Турции эмигрантские политические организации украинцев, татар, выходцев из Туркестана, Крыма, Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа и направлять их антисоветскую деятельность [Andican, 2003, s. 241]. Под влиянием польских дипломатов в ноябре 1924 г. в Стамбуле был создан Кавказский революционный

комитет из участников политической эмиграции Грузии, Азербайджана и Армении для координации антисоветской деятельности на Кавказе [Andican, 2003, s. 241–242]. Усиливали тревожность и скандалы с турецкими гражданами в СССР и их высылкой. Напряженными были и советско-английские отношения, особенно обострившиеся в связи с публикацией фальшивого «письма Зиновьева» английским коммунистам. Противники СССР ожидали крупного антиправительственного восстания внутри страны, например, в связи с восстанием в Грузии в 1924 г. [ДВП, 1963(1), с. 465–467]. Имели место попытки сколотить анти-советский блок в Прибалтике. Продолжались нападения вооруженных банд с территории Турции на советскую территорию в Закавказье [ДВП, 1963(1), с. 401–402].

В июне 1924 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором вопрос о дальнейшем развитии советско-турецких отношений был одним из центральных. В этой связи заседание политбюро констатировало: «Признать безусловно необходимым проведение в кратчайший срок ... мероприятий, которые должны сопутствовать нашему сближению с Турцией без ущерба для нас» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 444, л. 2]. К заседанию были подготовлены «тезисы о советско-турецких отношениях». Они свидетельствовали, что СССР рассматривал вероятность перехода Турции в стан своих противников и оценивал потенциальную военную угрозу с ее стороны. Однако в силу истощения турецкой экономики после Мировой и Национально-освободительной войн ее участие прямой агрессии против СССР считалось возможным лишь в случае полного коллапса советской власти на Кавказе. Значение имела и «несомненная симпатия турецкой буржуазии к экспропрированной турецкой буржуазии в СССР», а также историческое недоверие российским властям [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 444, л. 11–12]. Подобное недоверие к СССР члены ЦК считали стратегическим фактором, который приводил к сближению с врагами советской власти. Делался закономерный вывод о необходимости укрепления доверия между СССР и Турцией и выстраивании прочного экономического базиса подобного сотрудничества.

8 сентября 1924 г. Я.З. Суриц в беседе с председателем Совета министров Турции Исмет-пашой выдвинул предложение расширить советско-турецкий договор от 16 марта 1921 г. с целью дальнейшего укрепления политического сотрудничества между СССР и Турцией [ДВП, 1963(2), с. 766]. Первоначально советский вариант договора содержал четыре статьи. Первая статья предусматривала, что в случае военных действий против одной из договаривающихся сторон со стороны третьего государства или третьих государств, другая договаривающаяся сторона обязуется сохранять по отношению к первой договаривающейся стороне дружественный нейтралитет. Вторая статья устанавливала, что в случае возникновения союзов или соглашений, направленных против политических, коммерческих, финансовых интересов и интересов военной безопасности одной из договаривающихся сторон, или в случае возникновения по отношению к одной из договаривающихся сторон враждебной линии поведения или враждебных действий третьих держав в этих вопросах, вторая из договаривающихся сторон должна была не принимать никакого участия в этих союзах и соглашениях. Кроме этого, вторая из договаривающихся сторон должна была не участвовать в фактически установившейся по отношению к первой из договаривающихся сторон враждебной линии поведения или враждебных действиях третьих государств в вышеозначенных вопросах независимо от того, будет ли это выражаться в прямой или косвенной форме. Третья статья оговаривала, что в случае вступления одной из договаривающихся сторон в Лигу наций, вследствие чего возникнут обязательства для нее перед Лигой наций, вступающая в Лигу наций сторона должна будет обязаться оговорить свое участие в Лиге наций неприменением к ней статей 16 и 17 статута Лиги наций. После своего вступления в Лигу наций эта сторона должна будет обязаться во всех вопросах, касающихся ее отношений к другой договаривающейся стороне, отдавать предпочтение

заключенным с ней договорам в случаях, если обязательства, которые возникнут для нее в силу ее вступления в Лигу наций, будут противоречить этим договорам. Четвертая статья говорила о том, что в случае возникновения недоразумений или конфликтов в связи с прохождением военных или торговых судов другой договаривающейся стороны через проливы стороны будут оказывать друг другу всякими возможными способами содействие для обеспечения свободного прохода их военных или торговых судов через проливы [ДВП, 1963(2), с. 97–98.].

Турецкое правительство, однако, вначале готово было осуждать только благожелательный нейтралитет, отказавшись от обсуждения пункта о невступлении во враждебные группировки [ДВП, 1963(2), с. 23–24]. Во многом турецкая политика определялась в соответствии с тезисом, выдвинутым Мустафой Кемалем в своей вступительной речи перед Великим национальным собранием Турции 1 ноября 1924 года: «Господа, деятельность, осуществляемая в политической сфере в течение некоторого времени в отношении взаимной безопасности, заслуживает внимания. Если общая безопасность не будет распространена на все народы, необходимо рассматривать ее не как средство обеспечения всеобщего мира, а скорее как обеспечение свободы действий одних народов против других народов в так называемой их сфере влияния» [Цит. по: Gürün, 1991, s. 116]. По данным советских архивов, турки медлили с ответом, поскольку глава правительства, Исмет Инёню, был болен, к тому же начался правительственный кризис, вызванный жесткими нападками оппозиции на правительство [ДВП, 1963(2), с. 766]. По всей видимости, турецкое правительство также тянуло время, не намереваясь не ухудшать отношения с Англией в ожидании результатов арбитража комиссии Лиги наций. Формирование комиссии из числа нейтральных государств давало турецким дипломатам надежду, что арбитраж будет складываться в ее пользу. Турецкие дипломаты видели вступление в Лигу наций следующим шагом после урегулирования турецко-английских противоречий вокруг Мосула [ДВП, 1963(2), с. 24]. Уже к лету 1923 г. турецким властям стала понятна бесперспективность идеи вернуть Мосул военным путем. У Турции не было на это ни военных сил, ни технических возможностей. Часть турецких исследователей, однако, убеждена, что в августе 1924 г. турецкие власти планировали наступление на Мосул, которое должно было начаться под предлогом преследования восставших на территории Турции христиан-несториан, бежавших в Ирак и Иран [Türkmen, 2003, s. 80–85]. Советские документы в своем анализе ситуации также исходят из того, что Турция не представляет военной угрозы [РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 444, л. 11–12.]. Тем не менее военное планирование, вероятно, имел место и шло параллельно трудным переговорам с Англией об установлении границы между Турцией и Ираком. 20 сентября 1924 г. началось рассмотрение вопроса о Мосуле в Лиге наций. В работе комиссии Лиги наций, которая должна была установить вопрос о принадлежности Мосула, Турция сталкивалась с постоянным противодействием Англии. Это предопределило осторожное отношение к советским предложениям. Советское правительство действовало системно и накануне начала переговоров с турецкой стороной 22 декабря 1924 г. передало турецкой стороне меморандум, в котором содержались конкретные предложения по развитию политических и экономических отношений с Турцией [ДВП, 1963(2), с. 23].

В меморандуме предлагались существенные преференции для турецкой стороны. Содержался список продукции земледелия и промышленности Турции, которая имела свободный доступ на территорию СССР, оговорены льготы для турецких коммерсантов, отправляющихся в СССР по делам, даны некоторые таможенные льготы для турецких товаров, а также льготы для турецких коммерсантов, которые планировали на заработанную в СССР валюту закупить советские товары. Это фактически создавало для турецких коммерсантов режим наибольшего благоприятствования в торговле с СССР, а также давало бы

им значительные преимущества. Предлагалось также дополнить и расширить заключенные в 1922 г. железнодорожную, пастбищную и почтово-телеграфную конвенции. Вместе с тем в меморандуме отмечалось, что «торговая практика Союза [ССР] в Турции не дает возможности констатировать, что турецкая сторона в равной мере шла навстречу доброжелательности Союзного правительства» [ДВП, 1963(2), с. 768]. Меморандум ставил и вопросы о возвращении советскому правительству российского имущества в Константинополе, а также российских судов, уведенных Врангелем, об антисоветской деятельности в Турции, решении визового вопроса, пограничных инцидентах и другие вопросы. Впоследствии затронутые в меморандуме темы лягут в основу советско-турецкого торгового договора 1927 г. По сути дела меморандум был советским видением того, как могли бы выглядеть советско-турецкие экономические отношения, несмотря на те ограничения, которые ставили турки для развития двусторонней торговли.

Учитывая, что турки хотели бы подписать такое соглашение, которое не связало бы их в вопросах нейтралитета и невступления во враждебные группировки [ДВП, 1963(2), с. 23], фактически переговоры о пакте начались только в январе 1925 г. О реальных подоплеках советского проекта мы узнаем из беседы советского полпреда в Турции Я.З. Сурица и министра иностранных дел Турецкой Республики Шюкрю Кая от 13 января 1925 г. Беседа состояла из нескольких смысловых блоков – обсуждение взаимных вопросов безопасности, политика Британии в отношении Ирана и курдов, вопросы о проходе кораблей русского флота, уведенных Врангелем, через Проливы, работа Проливной комиссии, а также крупный блок экономических вопросов. Начало беседы касалось главной цели советско-турецких переговоров – укрепления взаимного доверия и безопасности. Турецкая сторона получила от М.В. Фрунзе и Г.В. Чичерина заверения, что советская сторона не проводила мобилизации на Кавказе, а передвижения войск, так беспокоившие турок, сделаны из хозяйственной необходимости [ДВП, 1963(2), с. 53]. В то же время фактическая ситуация с безопасностью в Закавказье могла считаться угрожающей для СССР. Ш. Кая продемонстрировал в ходе беседы притворное удивление, процитировав заявление Чичерина поверенному в делах в Москве Энис-бею. По словам Чичерина, «некая соседняя держава сделала турецкому правительству информационное сообщение о слабости Советской власти, ... что внутреннее положение в Союзе таково, что в случае какого-либо военного столкновения Советская власть немедленно рухнет...». Ш. Кая высказал деланное недоумение, о какой державе идет речь, при этом добавив, что польский посол Кнольц уже уехал. Он добавил, что турецкое правительство совершенно ясно представляет себе суть вещей и не склонно поддаваться чужому влиянию по отношению к своей политике, основой которой являются отношения с СССР. Суриц ответил на это, что Чичерин имел в виду именно Польшу. По его словам, в последнее время наблюдалась повышенная польская активность в Турции «при известном встречном токе», причем имел место ряд манифестаций, который привлек внимание советского правительства. Именно это, по его выражению, зародило у советских руководителей некоторую тревогу [ДВП, 1963(2), с. 54]. После обмена мнениями о фундаментальном характере будущего договора для двусторонних отношений Ш. Кая уведомил Сурица о том, что «в некоторых заграничных кругах определенно говорят о готовящемся этой весной военном наступлении на Союз». По его словам, турецкий посол в Варшаве Тали-бей получил инструкции выяснить эту информацию [ДВП, 1963(2), с. 56]. Обсуждение экономических проблем соответствовало содержанию меморандума, однако Ш. Кая сообщил, что турецкое правительство передало этот вопрос разным департаментам правительства на рассмотрение и работа пока что идет. Турецкое правительство в целом не возражало против прохода советских кораблей, уведенных Врангелем, через проливы, в то же время отмечая желательность назначения советского представителя в Проливную

комиссию. Турецкое правительство было обеспокоено тем, что правительство Реза-шаха пыталось разыграть курдскую карту в своей региональной политике, и полагало, что таким образом англичане пытаются рассорить турок с дружественными им курдскими племенами. В ответ на опасения турецкого правительства Чичерин решил предложить и турецкому, и персидскому правительствам свои посреднические услуги по урегулированию всех споров. В письме от 2 февраля 1925 г. Чичерин предлагал Сурицу поставить вопрос так, чтобы в контексте договора дружественный нейтралитет не распространялся на случай военных действий Турции против Ирана и наоборот. Он давал указание комментировать это так, что обе страны страдают от английского империализма, но недоразумения между ними можно уладить мирным путем, и СССР готов в этом посредничать [ДВП, 1963(2), с. 144].

22 февраля Ш. Кая передал советскому правительству контрпроект договора, который состоял только из одной статьи, сводившей весь договор только к соглашению и благожелательном нейтралитете [ДВП, 1963(2), с. 770].

Таким образом советская сторона видела договор вписанным в систему региональной безопасности, которую СССР планировал выстроить по периметру своих западных, юго-западных и южных рубежей. Турецкое же правительство первоначально видело его узко ограниченным пактом, регулировавшим двусторонние отношения, при этом не связывавшие Турцию особыми обязательствами.

Восстание Шейха Саида оказалось весьма неожиданным для турок и привело к отставке правительства Фетхи [Türkmen, 2003, s. 96–97]. Во главе правительства вновь был поставлен И. Инёню, жесткими мерами начавший подавлять восстание. Турецкое правительство стало отчетливо ощущать свое стратегическое одиночество, оказавшись изолированным Англией и ее союзниками на международной арене, столкнувшись с инспирированным Англией курдским восстанием [Türkmen, 2003, s. 97]. Позиция турок под воздействием осложнений отношений с англичанами начинает меняться, о чем свидетельствует открытое письмо Г.В. Чичерина Я.З. Сурицу от 27 марта 1925 г. В нем он отмечает, что новый проект договора, представленный Т.Р. Арасом Сурицу, по сути, не вносит ничего нового. Содержащиеся в нем трактовки допускают возможность широких толкований, которые обесценивают сам договор. В то же время он фиксирует сдвиг в турецкой позиции, обусловленный ее противоречиями с Англией, и, пользуясь представившейся возможностью, поручает Сурицу прозондировать дальнейшие намерения турок [ДВП, 1963(2), с. 192–194].

В ходе состоявшегося 8 апреля 1925 г. обсуждения турецкого проекта договора Я.З. Суриц и Т.Р. Арас обсуждали формулировки будущего соглашения. Шел спор о применяемых трактовках понятия «военные действия» и возможном наполнении этого понятия не только военным, а политическим, социально-экономическим и культурным смыслом, а также ключевой спор о расширении обязательства благожелательного нейтралитета и на мирное время (что предлагала советская сторона), чему должна была способствовать вторая статья, говорившая об обязательстве не участвовать во враждебных группировках. Она фактически дополняла первую статью. Советская сторона настаивала, что финансовые и экономические отношения также необходимо учитывать при заключении подобного договора. Учитывая сложность переговоров и устойчивое нежелание турецкой стороны связывать себя обязательствами политического или финансово-экономического характера, обсуждение статей договора шло медленно. Советская сторона действовала постепенно, не выдвигала сразу всего комплекса спорных вопросов, двигаясь «постатейно» [ДВП, 1963(2), с. 218–220]. В то же время председатель турецкого правительства Иismet-паша проявлял деланное нетерпение и торопил с заключением договора, отмечая, что «ведь о главном договорились» [ДВП, 1963(2), с. 228]. При этом турецкое правительство вполне отдавало себе отчет о характере соглашения и его влиянии на региональную политику, отмечая, что

это «есть вопрос об ориентации» Турции [ДВП, 1963(2), с. 229]. Попытка СССР вновь вернуться к обсуждению «оговорки о Персии» в июле 1925 г. затянуло процесс переговоров и показало, что турки считают войну с Ираном маловероятной и полагают, что расширение советско-турецкого договора на Иран свяжет им руки и приведет к большим осложнениям на международной арене. Тем не менее важным результатом переговоров в июле стал вопрос о закупках и поставках советского оружия и военных материалов, а также о транзите вооружения из Германии и Скандинавии через СССР [ДВП, 1963(2), с. 462]. СССР был готов обсуждать практические потребности турецкой армии, а комиссию военных специалистов при этом должен был возглавить М.В. Фрунзе [ДВП, 1963(2), с. 478].

В августе переговоры о заключении договора существенно ускорились. Это было связано с решением Мосульской комиссии в ходе установления границы между Турцией и Ираком оставить Сулейманию и Киркук за Турцией. Позиция турецкой делегации, которая должна была участвовать в работе Лиги Наций, должна была состоять в том, что «вопрос о безопасности Турции не может быть решен голосованием в Совете Лиги» [ДВП, 1963(2), с. 478]. Тем не менее турецкое правительство не желало преждевременной публикации договора до сентябрьской сессии Лиги Наций. Предполагалось поставить договор на ратификацию в ВНСТ в октябре 1925 г., немедленно после открытия сессии [ДВП, 1963(2), с. 461]. Однако под влиянием западной дипломатии вопрос о подписании договора снова «повис в воздухе». В европейской печати стали появляться сообщения о заключении СССР и Италией пакта, частично направленного против Турции [ДВП, 1963(2), с. 651]. Также ходили слухи о том, что СССР пересмотрел свое отношение к Лиге Наций и хочет вступить в нее. Правительство А. Бриана выступило негласным посредником между Турцией и Британией в Мосульском вопросе. Турецкие дипломаты подчеркивали, что Франция стремится найти примирительную формулу по Мосульскому вопросу [ДВП, 1963(2), с. 689]. Во время встречи Г.В. Чичерина с А. Брианом 16 декабря 1925 г. тот подчеркивал, что СССР провоцирует Турцию на отказ от уступок по Мосульскому вопросу. Несмотря на то что по Мосульскому вопросу Турция получила компенсацию, она ощущала себя в состоянии стратегического враждебного окружения. И СССР, и Турция трезво оценивали значение Локарнских договоров как направленных против интересов двух стран. Турция полагала, что Италия получит свободу действия за пределами Европы. На этом фоне в ноябре 1925 г. возобновились переговоры о подписании уже практически согласованного соглашения [ДВП, 1963(2), с. 675–677]. Г.В. Чичерин во время пребывания во Франции, отвечая на вопросы журналистов, 15 декабря отрицал факт переговоров с Турцией и наличия проекта договора [ДВП, 1963(2), с. 728]. 16 декабря также отрицался факт существования соглашения и на встрече с А. Брианом. Однако уже на следующий день, 17 декабря, договор был подписан Т.Р. Арасом и Г.В. Чичериным. По всей видимости, стороны до последнего момента хотели сохранить детали договора в тайне, но итоговый текст был согласован уже в Париже непосредственно Т.Р. Арасом и Г.В. Чичериным, на рубеже 13 декабря 1925 г. [ДВП, 1963(2), с. 731].

По сравнению с первоначальным вариантом из окончательного текста договора убрали формулу о «благожелательном» нейтралитете. Перетерпела некоторые изменения вторая статья, сохранившая, однако, свою суть – распространение действия соглашения не только на военное, но и на мирное время. Исчезла из договора статья 3, которая предусматривала в случае вступления одной из сторон в Лигу Наций неприменения к ней статей 16 и 17 статута Лиги Наций, а также предпочтении двусторонним договорам, а не обязательствам Лиги Наций. Вместо нее в статье 3 договора обговаривался срок действия договора и параметры его продления. Исчезла и статья 4, предусматривавшая помощь сторон друг другу в случае прохождения судов другой договаривавшейся страны через Проливы. Однако

следует помнить, что эта статья возникла в контексте обсуждения возможности прохода через Проливы уведенных П. Врангелем кораблей Черноморского флота, причем министр иностранных дел Турции Ш. Кая заявил о желательности его возвращения, рассматривая его как фактор дополнительной стабильности и безопасности в Черном море [ДВП, 1963(2), с. 62–63].

В дополнение к договору были подготовлены три протокола, разъяснявшие нюансы трактовки его статей. В протоколе I оговаривалось, что каждая из договаривающихся сторон сохранит полную свободу действий в отношениях с третьими державами вне пределов обязательств по договору.

В протоколе II, подписанном к данной статье, уточнялось, что под выражением «политического характера» в статье 2 подразумевались также финансовые и экономические отношения, направленные против другой договаривающейся стороны.

В протоколе III стороны брали на себя обязательство урегулировать споры, которые не могли быть улажены обычным дипломатическим путем, с помощью переговоров [ДВП, 1963(2), с. 739–741].

После подписания договоров СССР и Турецкая Республика обменялись секретными нотами практически идентичного содержания, в которых говорилось, что «дружба, всегда существовавшая между сторонами, ... останется нерушимой и послужит основанием для их отношений и в том случае, если бы одна из сторон оказалась в состоянии войны с одной или несколькими державами» [ДВП, 1963(2), с. 741–742]. Фактически данные ноты, учитывая их секретный характер, компенсировали отсутствие термина «дружественный» применительно к характеру нейтралитета в первой статье договора и служили подтверждением союзнических отношений двух стран [Gürün, 1991, s. 117–118].

Советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете стал частью советских дипломатических усилий по выстраиванию системы безопасности вдоль границ с СССР. Практически одновременно с договором с Турцией советская дипломатия вела переговоры о заключении аналогичных договоров с Германией, Литвой и Польшей. Они служили целям снижения военной напряженности и обеспечения национальной безопасности СССР. В то же время с помощью системы таких соглашений и пактов новый министр иностранных дел Турецкой Республики Т.Р. Арас планировал обеспечить национальную безопасность в межвоенный период. Обе стороны не хотели связывать себя лишними обязательствами и исходили из своих национальных интересов. Именно с этим обстоятельством и были связаны длительные обсуждения немногочисленных статей договора. Решающим фактором, повлиявшим на окончательное решение о подписании договора, стала стратегическая изоляция Турции в международной политике и необходимость внешней поддержки. Договор не только заложил основы советско-турецкого сотрудничества во второй половине 1920-х – 1930-х гг., но и создал основу для дальнейшего развития политических и экономических отношений СССР и Турции. Однако уже во второй половине 1930-х гг., после выхода Турции из международной изоляции и вступления в Лигу Наций, значение, дух и сила договора существенно ослабли. Уже в ходе переговоров о судьбе режима Проливов в Монтрё турецкая сторона фактически рассматривала усиление СССР на Черном море как потенциальную угрозу для себя. Несмотря на рост напряжения в советско-турецких отношениях, договор сохранял свое действие во время Второй мировой войны. Однако уже в конце 1930-х гг. и СССР, и Турция более не рассматривали его как фактор, улучшающий двусторонние отношения, в силу содержания статьи 3, предусматривавшей автоматическое продление договора на годичный срок. Договор просуществовал до 19 марта 1945 г., когда он был денонсирован советской стороной в связи с изменившейся международной ситуацией.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

ДВП – Документы внешней политики СССР [*DVP* – Documents of Soviet Foreign Policy].

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории [RGASPI – Russian State Archive of Socio-Political History].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

ДВП, 1963(1) – *Документы внешней политики СССР*. Т. VII. 1924 г. М.: Госполитиздат, 1963 [*Documents of Soviet Foreign Policy*. Vol. VII. 1924. Moscow: Gospolitizdat, 1963 (in Russian)].

ДВП, 1963(2) – *Документы внешней политики СССР*. Т. VIII. 1925 г. М.: Госполитиздат, 1963 [*Documents of Soviet Foreign Policy*. Vol. VIII. 1925. Moscow: Gospolitizdat, 1963 (in Russian)].

Заляев Р.И. Переговоры между СССР и Турцией по заключению Договора от 17 декабря 1925 г. *Отечественная османистика и туркология: итоги и перспективы. Доклады и сообщения международного научно-практического семинара. 2 июля 2009 г.* Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. С. 237–244 [Zalyaev R.I. Negotiations between the USSR and Turkey for the Treaty of December 17, 1925. *Ottoman and Turkic Studies in Russia: Results and Prospects. Reports and Announcements of the International Scientific and Practical Seminar. July 2, 2009.* Kazan: Kazan State University, 2009. Pp. 237–244 (in Russian)].

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 444 [RGASPI. Fund 17. Inv. 3. Case 444].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 18 [RGASPI. Fund 558. Inv. 2. Case 18].

СССР и Турция. 1917–1979. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981 [*USSR and Turkey. 1917–1979.* Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1981 (in Russian)].

Ташджы А.Т. От враждебности к вынужденному и сложному союзу: становление турецко-российских отношений в годы национально-освободительной борьбы. *100 лет российско-турецким отношениям*. М., ИВ РАН, 2025. С. 46–92 [Taşcı A. T. From Hostility to a Difficult and Inevitable Alliance: the Formation of Turkish–Russian Relations During the Turkish War of Independence. *100 Years of Russian-Turkish Relations*. Moscow: IOS RAS, 2025. Pp. 46–92 (in Russian)].

Andican A. *Cedidizm'den bağımsızlığa. Harekte Türkistan Mücadelesi*. İstanbul: Emre Yayınları, 2003.

Gürün K. *Türk-sovyet ilişkileri (1920–1953)*. Atatürk kültür dil ve tarih yüksek kurumu. Türk tarih kurumu yayınları. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1991.

Türkmen Z. *Musul Meselesi: askeri yönden çözüm arayışları (1922–1925)*. Ankara: AKDITYK, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич –
кандидат исторических наук, заведующий
Отделом истории Востока Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Alexander D. VASILYEV, PhD (History), Head
of the Department of Oriental History, Institute of
Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.